

АНИТА БОМОН

ПОСЛЕДНИЙ
ПАТРОН
ДЛЯ ТЕБЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анита Бомон

Последний патрон для тебя

«Автор»

2026

Бомон А.

Последний патрон для тебя / А. Бомон — «Автор», 2026

Когда мечтаешь исчезнуть, кто-то всегда находит. Ее мечта о тихой жизни, а он всего лишь выполняет приказы — но одна ночь переплела их судьбы крепче любых клятв, и теперь между ними стоит запрет, опасность и то, чему не суждено было случиться, потому что сердце не подчиняется правилам.

© Бомон А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Анита Бомон

Последний патрон для тебя

Глава 1

Последний стакан капучино, последняя улыбка через силу и последняя мысль, вязкая, как остывший сироп: *«Ещё пять минут — и я снова в аду»*.

Я протираю стойку, стараясь не пялиться на часы. Без двадцати десять. За окном Краснодар уже во всю жил вечерней жизнью — тёплый, шумный, пропитанный запахом шашлыка и выхлопных газов. А я стояла в своей чёрной футболке с логотипом кофейни и считала минуты до свободы, как зэк считает шаги до ворот.

— Ань, ты сегодня какая-то варёная, — Лизок облокотилась на стойку, откинув со лба волнистую каштановую прядь. Она была в своём репертуаре: лёгкий макияж, джинсовка на одно плечо, улыбка на десять киловатт. — Опять Павел Сергеевич звонил?

Я поморщилась. Даже имя его произносить не хотелось — оно оседало на языке чем-то кислым, как прокисшее молоко.

— Не звонил. И слава богу.

— Может, ко мне? — Лиза наклонилась ближе, и в её глазах мелькнула та самая забота, от которой мне одновременно и тепло, и душно. — Мама блины напекла. Макс подтянется. Посидим, посмотрим что-нибудь тупое.

— Не могу, — я сняла фартук и повесила его на крючок. — Мне надо домой.

Надо. Какое мерзкое слово, будто меня туда тащат на верёвке, а я упираюсь каблуками в асфальт.

— Аня...

— Лизок, всё нормально. Правда.

Я соврала — и она это понимала. Но мы обе играли в эту игру, потому что правда была слишком тяжёлой, чтобы таскать её с собой каждый день. Лиза знала лишь верхушку айсберга: что отчим бухает, что мать странная, что дома мне неуютно. А вот про синяки, которые я прячу под кофтами, про деньги, которые я отдаю, чтобы меня не трогали, про то, что иногда я засыпаю и молюсь не проснуться, — об этом она не знала. Макс же вообще думал, что у меня просто «сложная семья».

Я поправила волосы, заправив за ухо выбившуюся серебристую прядь. Когда-то я красилась в этот блонд назло матери, которая говорила, что светлые волосы делают меня «дешёвой». Теперь корни отросли, и тёмно-русый предательски пробивался у пробора — как напоминание о том, что притворяться вечно не выйдет.

— Ладно, — Лиза вздохнула и обняла меня, собираясь уходить. От неё пахло ванилью и кофе. — Но если что — пиши. Я серьёзно. Даже ночью.

Закрыв кофейню, я вышла на улицу — и город обрушился на меня всем своим тёплым, пряным дыханием. Сентябрь в Краснодаре — это не осень, а какая-то затянувшаяся нежность: деревья ещё не думают желтеть, воздух густой и сладкий, как виноградный сок, а небо по вечерам становится сиреневым, будто кто-то разлил чернила по ватному полотну. Где-то на соседней улице играла музыка, кто-то смеялся на балконе, слышался звон посуды и тихий перезвон трамвайных рельсов. Пахло не только шашлыком, но и дождём, который весь день собирался и так и не решился пойти. Краснодар умел быть разным, но в такие вечера он казался мне особенно чужим — слишком живым, слишком громким, слишком счастливым для меня.

Я шла пешком, потому что автобус — лишние деньги, а такси — вообще роскошь. Пятнадцать минут ходьбы, и я на месте.

Дом. Слово, которое должно означать тепло и уют. Для меня оно означало другое — осторожность и тишину.

Я остановилась у подъезда. Старая пятиэтажка с облупившейся краской и запахом сырости в подъезде. Достав ключи, я помедлила, не стала открывать сразу. Прислушалась. Гробовая тишина била по вискам. Неужели все уже спят? Может, и мои родки уснули?

Мысль была наивной. Конечно, они не спали — просто ещё не начали бухать и орать друг на друга.

Я поднялась на третий этаж, вставила ключ в замок и повернула его медленно, почти беззвучно. Дверь скрипнула — я поморщилась, но проскользнула внутрь.

В коридоре темно. Из кухни пробивался тусклый свет и доносились голоса. Точнее, один голос — пьяный, тягучий, с приторными нотками.

— Вик, ну ты чё, а? Я ж тебя просил! Просил же!

Я замерла. Сняла кроссовки — медленно, по одному. Пальцы сами сжались в кулаки.

— Паш, ну хватит, — голос матери, усталый и равнодушный, как осенний дождь. — Наливай уже, чё тянешь.

Вот и начался цирк с их главными клоунами.

Я на цыпочках прошла мимо кухни. Дверь была приоткрыта, и я мельком увидела их. Павел Сергеевич развалился на стуле — живот выпирал из-под засаленной футболки, лысина блестела в свете лампы, а на щеке багровела свежая царапина. Наверное, мать всё-таки дала сдачи. Хотя вряд ли — скорее, сам об косяк приложился. Он вообще был мастером создавать себе проблемы и винить в них других.

Мать сидела напротив — худая, черноволосая, с сигаретой в руке. Она даже не обернулась. Ей было всё равно, она всегда была где-то далеко — в своих мыслях, в своей прошлой жизни, в которой, по её словам, *«была королевой»*. Хотя я знала правду: *«королевой»* она была на панели, и мой настоящий отец — один из сотен клиентов, чьё имя она даже не помнит. Она сказала мне это однажды, пьяная, со смехом: *«Ты, Анька, вообще непорочное зачатие. Я даже не знаю, кто твой папаша. Может, грузин. Может, мент. Может, вообще никто»*.

Я проскользнула в свою комнату и закрыла дверь. Тихо и медленно. Щелчок замка прозвучал как выстрел — но, кажется, никто не услышал.

Свобода. Условно-досрочная.

Комната была маленькой, но это было моё пространство. Узкая кровать, письменный стол, полка с книгами, которые я не читала уже год. На стене — плакат с анатомией человека, оставшийся с универа. Я не стала его снимать. Пусть висит как напоминание о том, кем я могла бы стать.

Я сбросила рюкзак, села на кровать и выдохнула. Телефон завибрировал.

Лиза: Ты дома?

Аня: Да. Всё норм. Они на кухне, я у себя.

Лиза: Если станет плохо — звони. Я серьёзно, Ань.

Аня: Спасибо, Лизок.

Я отложила телефон и устала в потолок. В голове было пусто и гулко, как в пустом бассейне. Я знала, что через час-полтора Павел Сергеевич вспомнит обо мне. Скорее всего, будет ломиться в дверь, начнёт орать, а потом потребует денег — *«за мать»*, как он это называл. За то, что она шлюха, а я живу в его доме.

Я взяла одеяло за край. Внутри всё сжалось в тугую комок, но лицо осталось спокойным. Я научилась этому давно — не показывать страх, даже когда руки трясутся.

Чтобы отвлечься открыла ноутбук. Почта, соцсети — ничего интересного. Тогда я зашла в заметки и начала что-то писать. Не знаю зачем.

И тут в дверь постучали. Негромко, но я вздрогнула всем телом.

— Анька! — голос Павла Сергеевича, пьяный и липкий. — Ты дома? Выходи, разговор есть.

Я закрыла ноутбук и сидела на кровати, не двигаясь. Сердце колотилось где-то в горле, но руки были холодными и спокойными. Я научилась этому — разделять панику и тело. Паника пусть бьётся внутри, а снаружи — камень.

Что ж, начнём...

Встала. Подошла к двери. Положила ладонь на замок, но не открыла сразу. Сначала — вдох, медленный. Потом — щелчок.

Дверь приоткрылась на пару сантиметров. Я встала в проёме, не выходя. Так, чтобы он не мог войти, но и я не была заперта.

Павел Сергеевич стоял в коридоре. Точнее, покачивался. От него разило так, что хоть святых выноси: перегар, пот, дешёвый табак. Футболка была мокрой от пота, а на животе — пятно от чего-то, что я даже не хотела идентифицировать. Он улыбнулся, но улыбка вышла кривой — половина лица не слушалась.

— Анька, — протянул он, опираясь рукой о косяк. — Ты чё такая нелюдимая? Я ж к тебе по-хорошему.

— Чего надо?

Голос ровный. Я молодец.

— Мать твоя... — он икнул и потёр лицо ладонью. — Она совсем берега попутала. Ты в курсе, что она мне сказала? Что она устала. Устала она! А я, значит, не устал? Я, значит, должен всё это терпеть?

Терпеть он должен...

— Может, ей вторую работу найти? — он посмотрел на меня мутными глазами, будто ждал одобрения. — Ну а чё? Ходит целыми днями, ничего не делает. Пусть работает. Две работы — это нормально. Вон у Серёги жена на двух работает. И ничего.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то холодное и острое, как лезвие.

— А вам не нужно найти работу? — спросила я тихо. — Ну, чтобы не только мать тянула? Тишина. Даже мать на кухне затихла — я услышала, как скрипнул стул.

Павел Сергеевич моргнул. Потом ещё раз, его лицо медленно покраснело — от шеи к щекам, будто внутри включили плиту.

— Чё ты сказала?

— То и сказала. Может, вам пора работать? Хотя бы иногда.

Он шагнул вперёд. Я не отступила. Только пальцы на двери сжались сильнее.

— Ты, — выдохнул он, — ты вообще кто такая? Ты в моём доме живёшь. Я тебя кормлю. Я тебя...

Он не договорил. Рука взметнулась — быстро, слишком быстро для пьяного. Пощёчина прозвучала громко, как выстрел. Голову дёрнуло в сторону, щёку обожгло, перед глазами на секунду потемнело.

Я медленно повернула голову обратно. Посмотрела ему прямо в глаза. Во рту появился металлический привкус — кажется, прикусила щёку изнутри.

— Поняла, — сказала я ровно, без эмоций.

Павел Сергеевич отступил на шаг, будто сам не ожидал, что ударит. Или ожидал, но не ожидал, что я не зареву. Он сглотнул и вытер рот ладонью.

— К концу месяца, — сказал он, и голос снова стал вязким, деловым, будто только что не было никакой пощёчины. — Мне нужно сто тысяч. Мы с пацанами гараж покупаем. Хороший гараж. Тёплый. Так что готовь.

Я моргнула. Сто тысяч... Этот урод реально думает, что я деньги лопатой гребу?

— У меня нет таких денег.

— Найдёшь, — он пожал плечами и отвернулся. — Ты баба молодая. Работает. Зарплата скоро. Так что — к концу месяца. Не хочу повторять.

Он пошёл обратно на кухню, шаркая ногами. Я закрыла дверь — тихо и медленно. Щёлкнула замком.

И только тогда позволила себе выдохнуть.

Щека горела. Я подошла к зеркалу — маленькому, на стене — и посмотрела. Красное пятно, будет синяк. К утру станет заметно, придётся тональником замазывать.

Но внутри, где-то под рёбрами, вместо страха или боли было что-то другое. Холодное и расчётливое.

Сто тысяч...

Я села на кровать и открыла телефон. Посчитала в голове. Зарплата придёт через два дня. Я работаю в кофейне уже полгода, откладывала понемногу, плюс чаевые, плюс то, что осталось от последней стипендии, которую я получила перед отчислением.

Хватит на первый месяц. Хватит на квартиру.

Я смотрела в экран, и губы сами растянулись в улыбке. Невесёлой, но настоящей.

Ха! Он думает, что я принесу ему деньги, тупой идиот. С меня хватит.

Я встала и оглядела комнату. Вещи. Их было не так много: одежда в шкафу, книги на полке, ноутбук, зарядки, косметичка. Всё это можно было собрать за один вечер. Но нельзя, потому что если кто-то заметит раньше времени, меня могут просто закрыть в этой квартире.

Я начала тихо, с самого незаметного — того, что лежит в дальних углах и что никто не хватится. Зарядка для телефона — в рюкзак. Пара футболок, которые я редко ношу — в пакет, а пакет — под кровать. Книги, которые не жалко — на дно рюкзака.

Не всё сразу, по чуть-чуть, будто ничего не происходит.

Я двигалась медленно, прислушиваясь к звукам с кухни. Там снова началась обычная какофония: мать что-то бубнила, Павел Сергеевич требовал налить, что-то упало — кажется, вилка. Никто не думал обо мне, не проверял, чем я занимаюсь.

Отлично. Пусть думают, что я просто сижу в телефоне. Я села обратно на кровать и открыла переписку с Лизой.

Аня: Лизок, привет. Ты ещё не передумала?

Ответ пришёл почти сразу.

Лиза: Ты о чём?

Аня: О квартире. Ну, ты говорила, что хочешь съехать. Я — тоже. Ты всё ещё в деле?

Лиза не отвечала секунд десять. Я видела, как она печатает, стирает, печатает снова. Потом пришло сообщение:

Лиза: Ань, я уже почти все вещи собрала. Серьёзно. Думала, ты забыла. Я уже маме сказала, что мы ищем квартиру. Она, кстати, не против. Даже рада, что я не одна буду.

Я смотрела на эти строчки и чувствовала, как в груди становится теплее. Впервые за весь день.

Аня: Ты правда не передумала?

Лиза: Аня. Я уже выбрала, какие сериалы мы будем смотреть по вечерам. Я купила две кружки. ДВЕ. С котами! Одну тебе. Так что нет, я не передумала!

Я улыбнулась. По-настоящему.

Аня: Хорошо. Через два дня у меня зарплата. Можем искать квартиру.

Лиза: Наконец-то! Я уже думала, ты никогда не согласишься. Максимум скажем?

Я задумалась. Макс. Он же не знал всей правды, да и зачем? Для него я — просто Аня, которая не любит говорить о семье. Пусть так и остаётся.

Аня: Потом. Сначала найдём квартиру, потом скажем.

Лиза: Ладно. Но он обидится, что мы без него.

Аня: Переживёт.

Лиза: Ань, ты какая-то странная. Всё точно нормально?

Я посмотрела на дверь, на щёку, которая всё ещё горела, на пакет с вещами под кроватью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.